УДК 1:316

РЕГИОН КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

Головнёва Елена Валентиновна,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры культурологии
и дизайна,
кандидат философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Аннотация
Предметом статьи является характеристика региона как социального конструкта, выявление в его структуре элементов, имеющих субъектный генезис. В качестве детерминанты образования региона как конструкта рассматривается территориальность в ее институционально-политическом, экономическом, культурном и историческом измерении. Обосновывается вывод о сильной конструктивистской составляющей в онтологическом статусе региона.

Ключевые понятия:
регион,
конструкт,
конструирование,
социальный конструктивизм,
субъект.

В настоящее время в работах социальных теоретиков, пишущих о регионах, присутствует тенденция перехода в характеристике онтологического статуса региона от эссенциализма (теоретической и философской установки, характеризующейся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств) к исследовательской программе социального конструктивизма.

Социальный конструктивизм как особый тип конструктивизма, сформировавшийся в рамках социально-гуманитарных наук, ориентирован на идею неотражательной, конструктивной природы познания, опосредованности понимания мира индивидуальными и коллективными конструктами. Концепт «конструкт» определяется как способ истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные схемы, посредством которых субъект познает мир. Теория социального конструктивизма, по П. Бергеру и Т. Лукману, различные конструкты мира связывает в первую очередь с внутригрупповым согласием в различных сообществах по поводу того, что считать существующим и значимым, тем самым подчеркивая социальную природу производства знания о мире. Эта система знаний передается следующему поколению. Оно воспринимает ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя, таким образом, в качестве субъективной реальности [2, с. 47].

В рамках данной методологии все социальные явления, в том числе пространственные феномены, провозглашаются социальными конструктами. Швейцарский исследователь Б. Верлен, основатель так называемой «деятельностно ориентированной социальной географии» интерпретирует пространственные феномены, прежде всего, как пространства деятельности человека, «конструируемые» субъектом деятельности [3, с. 34]. И. Туан в работе «Пространство и место» отмечал, что место является объектом взаимодействия между умственной рефлексией индивида и его телесными ощущениями: «место – это любой существующий предмет, на котором задерживается наше внимание. Когда мы окидываем взглядом какой-либо вид, наши глаза задерживаются на определенных точках, вызывающих интерес. Каждой такой задержки достаточно, чтобы создать образ места в нашем сознании» [20, p. 161]. В свете такого подхода, нет региона и нет границ, фиксируемых безотносительно к наблюдателю, есть определенное значение мест и регионов для

тех, кто действует, и для тех, кто наблюдает за действующими.

Из современных работ, посвященных социальному конструированию регионов, наиболее интересны исследования финского географа А. Пааси, который утверждает, что регионы должны рассматриваться как *социальные конструкты,* создаваемые посредством «исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и наделяют значениями более или менее связанные материальные и символические миры» [15, p. 804]. В таком качестве регионы могут быть определены, многократно интерпретированы, оспорены. Конструирование и институционализация регионов и региональной идентичности – это *социальный* процесс. Устойчивость региональных границ, согласно А. Пааси, зависит от интегрированности различных переменных (идентичности, культуры, институциональной структуры, политической мобилизации, коллективной солидарности, административных границ, географического положения региона).

Придерживаясь конструктивистской методологии, можно утверждать, что формирование региона – это процесс конструирования, связанный с целенаправленной деятельностью субъектов, а регион, выражаясь словами Ганса Блотефогеля, есть «целенаправленный пространственный конструкт» [Цит. по: 17, p. 23]. Термин «конструирование» означает деятельность, в результате которой нечто создается, деятельность, предполагающая момент внешней детерминации. В результате такой деятельности «возникает конструкция –объект, обладающий неким устройством, внутренней структурой. Именно этот признак результата является ведущим: результат конструирования представляет собой объект системного типа, с развитыми внутренними взаимосвязями, обладающими возможностями самоподдержания» [7, с. 45].

Согласно конструктивистскому подходу, мы можем определить регион как конструкт, обладающий собственной структурой, как специфическую форму пространственного восприятия, конструируемую на уровне коллективного и индивидуального сознания. Разновидностями таких конструктов, или «воображаемых сообществ», наряду с регионами, являются также города, национальные государства, транснациональные общности. Нил Смит отмечает, что их нужно воспринимать не как предзаданные сущности, а как формы и средства социального производства пространства [19, p. 142]. Все они имеют относительно общие принципы построения и организации, и когда устанавливаются отношения, соответствия между ними, формируется некая единая пространственная реальность.

Образ региона выстраивается (конструируется), прежде всего, в отношении к определенной территории. Территориальность, расположенность в пространстве, вписанность в определенный географический контекст является важнейшим регионообразующим фактором. Сам термин «регион» происходит от лат. *regio* и обозначается как территориальная, пространственно ограниченная общность. Характеризуя территорию как способ пространственного существования, Майкл Китинг указывает: «Территории, как пространства, не просто линии на карте. Они образуются функциями, культурой и общей идентичностью, политической мобилизацией и руководством, а также институтами» [4, с. 74].

Отграничение региона в пространстве производится субъектами прежде всего с помощью процедуры именования, самоназвания, которая также может быть рассмотрена как процесс создания (в процессе словесного творчества) конструкта. Посредством наименования объект создается как целое из частей, частное, относящееся к классу, т.е. требует мыслительного конструирования. По Никласу Луману, язык производит собственные индикаторы реальности [5, с. 103]. Регион приобретает свои очертания благодаря множеству смешанных наименований. Наиболее очевидные из них – туристические карты и путеводители, в которых отобраны особые маршруты и воспроизведена история с тем, чтобы оформить регион как наиболее привлекательное место. Регион становится доступным, а благодаря поименованию мест в хронологии, путеводителях и т.п., он становится также и пространственным образованием.

При определении региона в социальных науках инвариантно выделяются следующие детерминанты его формирования: общность политического, экономического развития, географические условия, культурные ценности. Конструктивизм как исследовательская программа рассматривает эти аспекты не как свойства, присущие самому объекту (региону), а как отображение этих свойств в сознании и в конечном итоге языке. То есть мы имеем дело с различными понятийными образами региона, существующими как на уровне обыденного

сознания, так и на уровне академического дискурса. Каждый из этих понятийных образов, ставящихся в соответствии с понятием «регион», не может являться достаточным для экспликации смысла понятия «регион», но каждый из них высвечивают новую грань его содержания. Их сопоставление, как представляется, задает ориентир для теоретического исследования региона и способствует раскрытию, смысловому «достраиванию» содержания данного феномена. В итоге регион концептуализируется как объект системного типа, со своей структурой и внутренними взаимосвязями его элементов.

Исходя из этого, формирование региона можно определить как *конструирование такого типа территориальности, для которого оказываются характерны четыре общепринятых измерения дифференциации: институционально-политический контроль, экономическое доминирование, культурная стандартизация, историческое развитие.* Эти измерения представляются теми социокультурными детерминантами, которые определяют конструирование регионов. Территориальность в этом контексте является не независимой переменной, обусловливающей существование тех или иных измерений, а опосредующим фактором, благодаря которому остальные факторы постигаются и наделяются смыслом. В действительности *любое* из указанных измерений достаточно для спецификации региона, любой из этих параметров может обеспечить (реальную или воображаемую) внутреннюю гомогенность территории. Они также являются неразрывно связанными между собой. Например, экономическое доминирование эффективно сочетается с культурной политикой во многих регионах.

По-видимому, характер связи элементов региона определяет его статус и восприятие. Там, где элементы географии, истории, экономического единства, культурной идентичности, административного управления и территориальной мобилизации совпадают, имеет смысл говорить о существовании сильного регионализма. Эту особенность можно назвать, выражаясь словами Дорин Мэсси, «мультифакторностью» (thrown togetherness), которая раскрывается, как способность факторов пересекаться, образуя восприятие целостности и особенности места [13, p. 147]. В то же время там, где регионализм выражается лишь посредством одного измерения (политического, экономического, культурного), определение региона становится менее очевидным и часто начинает оспариваться.

Сущность институционально-политического измерения состоит в демонстрации и усилении социальной и политической власти. Речь идет об организации и функционировании управленческих систем для мобилизации социальных групп, формирования институциональных практик, технологий и ценностей ради достижения общественно значимых целей. По словам Амина, регионы становятся «юрисдикцией, вне которой у акторов нет реального бизнеса или влияния», регион – это «политическая общность, которая через механизмы партнерства и общих интересов, осознает, что необходимо локальности и может принимать решения в целях всеобщего блага» [9, p. 618].

Вслед за установлением приемлемых и в достаточной степени безопасных границ проводятся обдуманные усилия по унификации. А. Пааси подчеркивает, что границы, символы и институты регионов являются не результатом эволюционного процесса, а выражением непрекращающейся борьбы вокруг пространства, репрезентаций, демократии и благосостояния [15, p. 805]. В отличие от «безымянных сообществ», также формирующихся в современной культуре, регион рассматривается как институциональное образование с выраженной идентичностью, территориальная общность, основанная на выборе. Регион может играть роль участника, способного четко сформулировать и преследовать общие интересы в государственной и глобальной системах [4, с. 87]. Не являясь идентичным суверенному государству, регион, тем не менее, включает в себя некоторые атрибутивные признаки государства [16, p. 736]. Здесь актуализируется смысл латинского слова regere – «править», а регион предстает как управляемая, но *не имеющая суверенитета* территория.

Экономическое измерение региона предполагает наличие у такого типа территориальности определенной специализации производства и обмена товаров и услуг, количества и структуры рабочих мест, особого места в социально-экономическом комплексе государства. Майкл Китинг подчеркивает: «Пространственная близость способствует обмену, облегчает коммуникацию и вызывает дополнительную деятельность, причем доступ к сырью, рабочей силе и рынкам структурируется территориальными факторами» [4, с. 67].

Экономическое измерение является более гибким по сравнению с институциональным, учитывая изменчивость экономических факторов. С одной стороны, экономика мыслится как основа социальных, политических, культурных и прочих аспектов развития региона. С другой стороны, регионы сами оцениваются как «акторы» экономического развития.

Система «позднего капитализма» изменила экономическую роль регионов и трансформировала само понятие производства. С волной банкротства и/или реструктуризации промышленных предприятий (а часто и их зданий, собственности и территорий) растворяются границы индустриальных или рабочих зон; районы, принадлежащие предприятию и населенные его работниками, теряют эту связующую характеристику. В центре производства в эпоху постмодерна могут лежать знания, инновации, мода, исторические традиции. По замечанию С. Лэш, основу новой экономики составляют различные виды услуг, оказываемых как индивидуальным потребителям, так и организациям, «услуг, которые все в большей и большей степени определяются формой подачи (дизайном) и нагружаются семиотически» [11, p. 193]. На смену совокупности факторов промышленного производства, необходимых для развития региона, приходит динамическая концепция конкурентных преимуществ, обладание ресурсами, важными в условиях глобальной экономики. В связи с этим в современных исследованиях заметна тенденция к переходу от рассмотрения регионов как центров производства к регионам как системе экономических отношений, процессу взаимодействия социальных субъектов по поводу формирования человеческого капитала. В таком контексте регионы, как экономические районы, сегодня являются объектом изучения не только экономики, но также экономической географии, региональной экономики и динамично развивающихся исследований в области туризма.

В социокультурном измерении регион рассматривается как people-bound категория, совокупность связей, отношений между людьми. Регион в таком ракурсе понимается как совокупность культурных практик между определенной группой и конкретным местом. Здесь оказывается актуальной категория «жизненный мир» в том виде, в каком она была введена Э. Гуссерлем. Жизненный мир имеет культурно-историческую обусловленность в контексте некоторого локального социума, и обнаруживается его отличие от миров «соседних» социумов. Представители гуманитарной географии в настоящее время исследуют различные регионы, показывая, каким образом природные особенности региона формируют отличительные культурные формы (способы ношения одежды, питание, архитектуру, институции и др.), которые наделяются определенными смыслами. В духе подобных геоисторических исследований становится логичным говорить не о географическом детерминизме, а о географическом поссибилизме, когда географическая среда представляет человеческим сообществам возможности для действия и развития [6, с. 18].

Историческое измерение формирования региона связано с попыткой определить некое «историческое наследие», могущее стать источником формирования и поддержания региональной идентичности. История, возможно, более чем любой другой аспект человеческой жизни воспроизводится для поддержания чувства принадлежности к географической структуре, региону. Мишель Фуко призывает перестать «уверять друг друга, что пространство предопределяет историю» [8, с. 223]. Необходимо понять историю как пространство изменяющую и в нем откладывающуюся. История региона может принимать форму «производства наследия», попыток эксплуатации реального и воображаемого прошлого для привлечения туристов; форму романтизации и стереотипизации прошлого; поиск «подходящего прошлого». Для описания региона оказывается востребованной метафора *«отпечатки следов»*, предложенная Эш Амином и Найджелом Трифтом [1, с. 4]. Неслучайно описание региона зачастую носит характер сравнительного описания: что здесь было раньше и что сейчас, новые и старые районы, зеленые и индустриальные зоны и т.п.

Историческое наследие проходит через процесс отбора, селекции. Для реконструкции исторического прошлого региона акцент делается то на этничность, то на язык, то на метафоры «родины», то на территориальное единство, то на некую глобальную миссию. Этот отбор может осуществляться как на научном, так и на идеологическом уровне. Посредством этого отбора, выборочных описаний регион наделяется памятью, основой, на которой будут строиться порицающие или одобряющие мнения. Благодаря историческому наследию «материальный мир становится символически насыщен-

ным, что обеспечивает ему социальную непрерывность, способствует формированию «коллективной памяти» и установлению контроля сообщества над пространством» [14]. В зависимости от конкретной истории, нарратива или selective heritage региона или места в нем складывается и специфическое «прочтение» глобализации. Так, по мнению А. Макарычева, в системе российского федерализма Калининградская область и Санкт-Петербург занимают особую нишу в системе российских регионов за счет особых связей с европейской культурой и другими нероссийскими регионами, являясь своеобразными «чужаками на своей собственной земле» [12, p. 187].

Историческое наследие региона оказывается неразрывно связано и с региональной мифологией. Регион исторически и мифологически замкнут на себя. По словам Р. Шилдс, важным способом наделения мест особыми значениями является создание их образов, предполагающих упрощение, стереотипизацию и навешивание ярлыков. Собранные вместе на уровне коллективного сознания, эти образы формируют особый «миф места» [18, p. 47]. Они собирают, упорядочивают, включают и исключают, они делают пространство *познаваемым* для всякого, кто захочет взглянуть на него, а также делают возможными сравнение его с другими пространствами. Новые образы и мифологемы помогают изменить привычный стиль мышления о регионах, что делает их восприятие более разнообразным и сложным. Для региона история и мифология зачастую оказываются показательнее любого экономического и административного деления – если есть своя мифология и свое историческое наследие, есть и самобытность региона.

Кто сегодня является производителем знания о регионе? Пожалуй, можно выделить несколько таких групп. Это в первую очередь местные жители, которые, оценивая опыт развития других регионов и стран, начинают «любопытствующим» взглядом оглядывать собственную территорию проживания и определять для себя региональное своеобразие. Поскольку, по словам А. Гупты и Д. Фергюсона, даже люди, продолжающие жить в местах, где жили их предки, обнаруживают, что их отношение к местности кардинально изменилось, а иллюзия естественной связи культуры и места нарушена [10, p. 10]. Это чиновники, заинтересованные в продвижении собственного региона и формировании его положительного имиджа. Это исследователи, работающие в рамках различных методологий (марксисты, модернисты, конструктивисты), которые продуцируют знание о регионе, дополнительно поддерживая его системой объяснений и обоснований. Это туристы и мигранты, не имеющие укорененности в данном регионе, но волей случая оказавшись в нем, пытающиеся для себя определить его эстетическую и экономическую привлекательность. Главным смыслом здесь оказывается не формулирование единственного верного представления, а открытие поля конкуренции различных образов, активация групповых стратегий. Знание о регионе не существует вне отношения к позиции наблюдателя, социальных соглашений и культурно-исторического контекста.

1. Амин, Э. [Amin E., Trift N.] Внятность повседневного города [Текст] / Э. Амин, Н. Трифт // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–25.

2. Бергер, П. [Berger P., Lukman T.] Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

3. Верлен, Б. [Verlen B.] Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / пер. С.П. Баньковской [Текст] / Б. Верлен // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 26–47.

4. Китинг, М. [Kiting M.] Новый регионализм в Западной Европе [Текст] / М. Китинг // Логос. 2003. № 6 (40). С. 67–116.

5. Луман, Н. [Luman N.] Реальность масс-медиа. Перевод с немецкого А.Ю. Антоновского [Текст] / Н. Луман М.: Праксис, 2005. 256 с.

6. Малькова, В.К. Культура и пространство. Кн. 1. Образы российских республик в интернете [Текст] / В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА, 2009. 147 с.

7. Мартишина, Н.И. Реальность и ее конструирование. [Текст] / Н.И. Мартишина. Новосибирск: СГУПС, 2009. 184 с.

8. Фуко, М. Око власти [Текст] // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью. / М. Фуко. М.: Праксис, 2002. 384 с.

9. Amin, A. Local community on trial // *Economy and society*. 2005. 34 (4). P. 612–633.

10. Gupta, A., Ferguson J. Beyond "Culture": Space, Identity, and the Politic of Difference // *Cultural Anthropology*, 1992. Vol. 7, No. 1, Space, Identity, and the Politics of Difference. P. 6–23.

11. Lash, S. Economies of Signs and Space / S. Lash, J. Urry. L.: SAGE Publications. 1994. 368 p.

12. Makarychev, A. Identity and representation of Russian regions: Adopting a critical theory perspective // *Journal of Eurasion Studies*. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 185–192.

13. Massey, D. For Space. London: Sage. 2005. 222 p.

14. Osborne, B.S. (2001). Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration.[Электронный ресурс] http://www.libraryofsocialscience.com/ideologies/docs/putinden.pdf (дата обращения: 20.09.2014).

15. Paasi, A. Place and Region: Regional worlds and words // *Progress in Human Geography.* 2002. Vol. 26. No. 6. pp. 802–811.
16. Philippe de Lombaerde, Fredric Soderbaum, etc.The problems of comparison in comparative regionalism // *Review of International Studies,* 2010. 36. Pp. 279–303.
17. Roth, K. What`s in a Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization // *Ethnologia Balkanica.* 2007. Vol. 11. P. 17–42.
18. Shields, R. Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity. London: Routledge. 1991. 334 p.
19. Smyth, N. Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space. Oxford: Basil Blackwell. 1984. 198 p.
20. Tuan, Y.-F. Space and Place: The perspective of experience. E Arnold. 1997. 226 p.

References

1. Amin E., Trift N. (2002) *Logos, no.* 3 (34), pp. 1–25 [in Rus].
2. Berger P., Lukman T. (1995) Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. Moscow, «Medium», 323 p. [in Rus].
3. Verlen B. (2001) *Sotsiologicheskoe obozrenie,* no. 1 (2), pp. 26–47 [in Rus].
4. Kiting M. (2003) *Logos*, no. 6 (40), pp. 67–116 [in Rus].
5. Luman N. (2005) Real'nost' mass-media. Perevod s nemetskogo A.Yu. Antonovskogo. Moscow, Praksis, 256 p. [in Rus].
6. Mal'kova V.K., Tishkov V.A. (2009) Kul'tura i prostranstvo. Kn. 1. Obrazy rossiyskikh respublik v internete. Moscow, IEA, 147 p. [in Rus].
7. Martishina N.I, (2009) Real'nost' i ee konstruirovanie. Novosibirsk, SGUPS, 184 p. [in Rus].
8. Fuko M. (2002) Oko vlasti/Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya, interv'yu. Moscow, Praksis, 384 s [in Rus].
9. Amin A.(2005) *Economy and society,* no. 34 (4), pp. 612–633 [in Eng].
10. Gupta A., Ferguson J. (1992) *Cultural Anthropology*, vol. 7, no. 1, Space, Identity, and the Politics of Difference, pp. 6–23 [in Eng].
11. Lash, S. (1994) Economies of Signs and Space / S. Lash, J. Urry. L. : SAGE Publications, 368 p. [in Eng].
12. Makarychev A. (2012) *Journal of Eurasion Studies,* vol. 3, no. 2, pp. 185–192 [in Eng].
13. Massey D. (2005) For Space. London: Sage, 222 p. [in Eng].
14. Osborne B.S (2001). Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration. Available at: http://www.libraryofsocialscience.com/ideologies/docs/putinden.pdf (accessed 20.09.2014) [in Eng].
15. Paasi A. (2002) *Progress in Human Geography,* vol. 26, no. 6, pp. 802–811 [in Eng].
16. Philippe de Lombaerde, Fredric Soderbaum, etc. (2010) The problems of comparison in comparative regionalism // *Review of International Studies,* 36. pp. 279–303 [in Eng].
17. Roth K. (2007) *Ethnologia Balkanica,* vol. 11, pp. 17–42 [in Eng].
18. Shields, R. (1991) Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity. London: Routledge, 334 p. [in Eng].
19. Smyth N. (1984) Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 198 p. [in Eng].
20. Tuan Y.-F. (1977) Space and Place: The perspective of experience. E Arnold, 226 p. [in Eng].

UDC 1:316

A REGION AS A SOCIAL CONSTRUCT

Golovneva Elena Valentinovna,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor of the Department Chair of Cultural Study and Design,
Cand. Sc. (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Annotation
The article focuses on characterizing a region as a social construct, it points out the elements having subjective genesis in its structure. Considering the determinant of forming a region as a construct, the author examines territoriality in its institutional, political, economic, cultural, historical dimensions. The author proves the conclusion about a strong constructivist constituent in the ontological status of the region.

Key concepts:
region,
construct,
construction,
social constructivism,
subject.